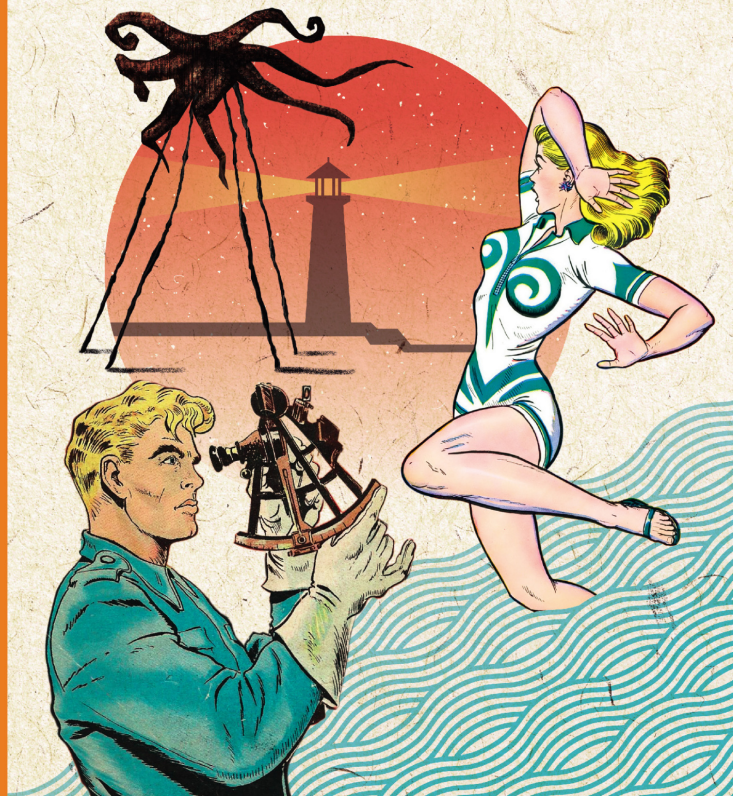

Максим Шмырёв

Гавань

Максим Владимирович Шмырёв

Гавань

Серия «Мир Великого Древа», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67185555

Гавань: Столица; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-092575-9

Аннотация

«Гавань» – первая книга в трилогии «Мир Великого Древа» Максима Шмырёва. Она представляет собой сплав фантазмагорий в духе Гофмана и Кэрролла с авантурным сюжетом, напоминающим о «Похитителях бриллиантов» Буссенара. Это рискованное сочетание приправлено скандинавскими сагами и обработками легенд Средневековья. Мир Древа – Великого Ясеня, на котором живут рыцари, карлики, королевы, железнодорожники и снеговики, существует в особом пространстве, которое только отчасти напоминает земные реалии.

Сюжет произведения начинается за несколько дней до Великого снегопада, когда почти все обитатели Древа впадают в Зимний сон. Но на одной из Ветвей осталась группа неспящих, которые наблюдают совершенно необычные события. Теперь их путь лежит вверх – к Верхушке, где выяснится причина Сбоя. Путешествие на край мира начинается.

Содержание

Максим Шмырёв	4
Глава I,	6
Глава II,	21
Глава III, в которой появляется Салли, а робот жарит блины	29
Глава IV,	37
Глава V,	49
Глава VI,	62
Глава VII,	72
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Максим Шмырёв

Гавань

© М. В. Шмырёв, текст, 2021

© А. А. Просекова, иллюстрации, 2021

* * *

*Молящимся и сновидцем является
каждый, даже если он этого не знает.
Эрнст Юнгер*

Глава I, в которой перед началом Великого снегопада происходят удивительные события

...Это напоминает загадку омнибуса, идущего от Пантеона до площади Курсель, который неизменно останавливается возле пришедшего в упадок борделя на улице Четырех ветров, хотя никто там не выходит и не садится и никто не понимает, в чем же тут дело.

Леон Блуа

Из «Популярного справочника Древа»

«Есть только Великий Ясень, Иггдрасиль¹ – Великое Древо. Это очевидно. Некоторые останавливаются на этом. Огромное Древо с тысячекилометровыми ветвями, окружённое своей атмосферой, находится в безжизненной необитаемой пустыне, лишённой воздуха. Оно растёт на земле, которая безвидна и пуста. Его Корни уходят глубоко в почву, питая Древо водными потоками, проходящими на большой глубине.

¹ Многие реалии романа взяты из «Младшей Эдды», в частности Великий Ясень (Великое, или Мировое, Древо), имена героев и т. д. Однако его действие не является переложением скандинавской мифологии. – *Прим. авт.*

Все попытки покинуть Древо потерпели неудачу: критические минусовые и плюсовые температуры вне атмосферы Древа уничтожали все запущенные аппараты. При этом на самом Древе есть залежи полезных ископаемых (в наростах Кору, представляющие собой горные цепи), земля, источники воды, реки и моря: частично находящиеся на Ветвях, частично – в Ближних снах. Все небесные тела обращаются вокруг Древа. Смена дня и ночи регулярная, ночью солнце скрывается в области тени, зимой оно отдаляется от Древа, и среднесуточная температура снижается.

Происхождение Древа объясняется по-разному. Традиционная точка зрения – что некогда оно было частью Сада, в Новое время все чаще оспаривается. Предполагается, что Древо зародилось само, в бескрайней пустыне и его появление – стечение ряда неизвестных обстоятельств.

Наступило утро субботы. Деревья почти сбросили листву, она летела по мостовым, оседала в переулках, плавала в лужах. Кто-то, может быть соседский мальчишка, бил по железной бочке палкой, и гул разносился по всему маленькому городу. Ещё неделю назад это было бы в порядке вещей: шёл прощальный осенний карнавал, маски лукаво улыбались в сумерках, искусники из городских предместий шагали на ходулях, перепрыгивая дома карликов-подземников, выдували красные, жёлтые и синие языки пламени. Но теперь маски висели на стенах, и «бум-бум-бум» звучал необычно, будил

мысли, которые уже осваивали пространства Зимнего сна.

Было ещё тепло. На карниз опустилась снежинка и сразу растаяла. Затем – вторая.

Хёд смотрел на Эйр. Она открыла глаза. – Ты спишь? – Нет, я только проснулся. – Мы не спим?

– Ещё нет. Эйр, ты дождёшься меня?

– Не знаю... Мне очень хочется спать. Если я усну, то подожду тебя у водокачки на Краю Света...

Хёд вышел из дома. Сегодня было его последнее дежурство на маяке. Он свернул на дорогу, листья шуршали под ногами – похоже (после того, как умолкла бочка) это были единственные звуки во всём городке. Где-то далеко стрекотал мотор цепелина, но это могли быть звуки не отсюда – перед Зимним сном шумы сновидений бывали слышны и тут, а он всегда помещал цепелины в свои сны. Хёд дошёл до развилки: направо уходила мощеная дорога, она вела к маяку. А вот налево: по аллее, где кончаются дома, – там поднимался разноцветный мост, напоминавший вкопанное в землю колесо обозрения. Возле него летали воздушные шарики, пахло жареными каштанами, играла музыка. Небо над мостом то темнело, то светлело, будто по нему пробегали облака. «Наш Зимний сон, – подумал Хёд, – наверное, Эйр уже там...»

Дороги в Зимний сон появились во время карнавала: точнее, стали ощутимы: движением ветра, запахом, перезвоном колоколов, ароматом табака, моря – у каждого своё. Постепенно они проявлялись: своя – резко, а чужие – яркими пят-

нами: разбросанные по улицам рябиновые грозди. Уход в сны начался в четверг вечером, в пятницу ушли почти все: в городке остались только спящие, и аппаратура домов тихо гудела в дежурном режиме – так будет до начала Великого снегопада, всю зиму – пока не наступит Весеннее пробуждение. Не спали только те, кто задержался по служебной необходимости – как Хёд. Он был смотрителем маяка и принимал запоздавшие корабли до окончания навигации.

...Хёд быстро прошёл мимо дороги, ведущей в сон: что-то показалось ему странным, однако он спешил и не стал сосредоточивать на этом внимание.

...Занавески вздувались, принимая ветер. Хёд и Эйр стояли у окна дома, который был расположен на скале, выдававшейся далеко в море. Они стояли и смотрели: как поднимается огромная волна, как её пена смыкается с облаками. И когда волна подошла к самому дому, нырнули прямо в неё, слившись с бурным морским прибоем...

Хёд дошёл до маяка и поднялся по лестнице. Сиял фонарь, система управления прозвенела, указывая о прибытии кораблей, и вдаль вытянулись синие энергетические лучи, похожие на причальные тросы. Вскоре в гавань вошли транспорт с Нижней Кроны и пассажирский катер с ближней Ветви.

Экипаж транспорта ушёл в сны прямо на корабле. «Они продолжают плаванье, – подумал Хёд, увидев голубые пятна их дорог в Зимний сон. Для пассажиров катера он зака-

зал такси до дежурной гостиницы в центре города. Небо прояснилось, стало почти жарко. Хёд снял куртку. Автоматический грузоприёмник разгрузил транспорт. «Когда проснусь, надо будет его покрасить», – подумал он, отметив, как облупилась краска на его манипуляторах, – похоже, мне пора». Он поднялся наверх, чтобы перевести маяк в дежурный режим. И вдруг раздался звонок: приближался ещё один корабль: его класс автоматика не определила. Хёд спустился и увидел, как корабль тихо подходит к причалу. Никто не вышел на берег. «Уснули они, что ли?» – Хёд прыгнул на палубу.

Ветер донёс издалека звонкий гул бочки. Где-то стрекотал цеппелин.

Хёд внимательно осмотрел корабль. Изящная ладья, с палубой, украшенной яркими тканями, была пуста. На корме он нашёл куклу – девочку с большими глазами и нарисованной слезинкой. И больше никого – только снег, который таял на палубе, растекался синими лужицами. Хёд был в замешательстве. Зачерпнул ладонью снег, – настоящий снег, который он видел в тенистых местах весной. Но ведь до начала Великого снегопада оставалось ещё несколько дней... А в маяке звенели звонки и энергетические лучи тянулись ко входу в гавань. Один за другим прибыли баржа с Нижней Ветви и серебряный катер с Верхних Ветвей Средней Кроны. Вдруг вместо синих лучей брызнули алые – они подхватили нечто напоминающее радужное облако: летающий ко-

рабль из Ближних снов. Хёд сверился с расписанием: все суда вышли из портов несколько дней назад и направлялись в другие места. И вот они тут, у него – в снегу, и никого нет на борту.

Манипуляторы взялись за контейнеры на барже, и они осыпались серым пеплом. За ними покрылись лёгкой рябью и начали таять сами корабли.

...Хёд поднял телефонную трубку и набрал номер. Набирать его полагалось в крайнем случае: без особых причин самостоятельно обращаться к Управляющему считалось признаком профессиональной несостоятельности. Его директивы были точны, лаконичны и вполне исчерпывали все возможные ситуации. Но эта явно выходила за рамки инструкций. Однако он не услышал ничего, разве что (если это не помехи) какой-то детский смешок и отдалённый, словно из-под воды, гул железной бочки – словно бы ребёнок колотит в неё где-то на дне моря.

Над вышкой аэродрома, недалеко от маяка, поднимались яркие сигнальные ракеты: сигнал сбора техперсонала Южной станции. Хёд побежал в ту сторону. За его спиной оседали и рассыпались пеплом корабли, ветер разносил их лёгкий прах по причалу, а где-то – то весело, то тревожно – гудела бочка, стрекотал цеппелин и шорохом-шёпотом шумели занавески, колеблемые осенним ветром.

На поляне возле аэродрома, которую они использовали как место сбора, уже были все другие служащие станции. Ко-

гда пришёл Хёд, беседа была в самом разгаре. В центре стоял Форсетти – он содержал гостиницу и принимал небольшие воздушные суда на Малом лётном поле – крепкий полноватый мужчина лет под шестьдесят. От Форсетти вкусно пахло ромом и кофе. Его нарядный кафтан был перехвачен кожаным ремнём с небольшим кинжалом сбоку. Возле него, в синей форме и фуражке, прислонился к дереву железнодорожник Хельг – сосредоточенный и серьёзный, молчал, кивая головой в ответ на слова Форсетти. Поодаль стоял летчик Ньёрд – он заведовал Большим лётным полем. На чёрном мотоцикле сидела патрульная автострады – девушка с голубыми глазами и длинными светлыми волосами, которые непонятно как умещались под красным шлемом. Её звали Фрейя. И существо, словно сотканное из радуги, лунных бликов и пыли, которая сияет в солнечных лучах: смотритель Пристаней Ближних снов, Скирнир.

– ...И никого, этот воздушный шар был пуст, только снег! Хотя нет, в углу корзины я нашёл снеговика, с носом-морковкой, руками и ногами из палок! И воздушный шар исчез, почти сразу! Я не успел даже прикоснуться!.. – рассказывал Форсетти.

Хельг перебил Форсетти. Он долго молчал, ему надо было высказаться. И начал, медленно, с паузами:

– Поезд. Сначала прибыл обычный восьмичасовой утренний поезд. Всегда один и тот же поезд. Он всегда приходит последним. Он сегодня пришёл последним. Всё как всегда.

А потом... Потом пришёл ещё один поезд. Никогда так не было. Никогда. Ещё один поезд – которого не было в расписании. Ещё один. – Железнодорожник помолчал и продолжил: – Так вот, ещё один поезд. Не знаю, откуда он. Он проскочил станцию. Мне показалось, что кто-то махнул мне из окна. То есть я не уверен, что махнул. Это могла быть занавеска. Но я чувствую, что кто-то махнул. Я знаю, что махнул. Скажу так – я абсолютно уверен, что кто-то махнул. Именно мне. Поезд проехал станцию – вы ведь знаете, перрон небольшой, но он даже не притормозил, он пошёл дальше – в сторону леса, а там тупик; точнее, обычно тупик, а теперь там начинается мой сон: я слышу, уже два дня и две ночи, слышу двое суток, как гудит экспресс, который уедет далеко-далеко – мой экспресс, он ждёт меня. И поезд поехал туда, он въехал прямо в мой сон, я побежал за ним следом, прошёл в свой сон, совсем чуть-чуть, насколько это можно, и видел – точнее, не видел, я больше ничего не видел, потому что тот поздний поезд пропал и мой экспресс пропал, – а он был уже тут, с детьми, провожающими, с этим... этой суетой перед отъездом, когда звучит гудок... когда все садятся по местам!.. Он пропал, теперь там только снег и ржавые старые рельсы, а ведь этого не может быть, в моём сне такие новые блестящие рельсы! Этого не может быть...

Железнодорожник замолчал. Хёд кратко рассказал свою историю. – У меня тоже была кукла: клоун-карлик... – вставил Ньёрд. – В пустом салоне пассажирского самолёта, у ил-

люминатора... Вроде как смотрел на облака...

– Я несколько раз пытался связаться с Управляющим. – Мягкий голос Скирнира словно шелестел вместе с деревьями. – И не получил ответа. Молчание по всем каналам. И градоначальник молчит. Наверное, спит.

– У нас так же, – подтвердили железнодорожник и лётчик. Остальные кивнули.

Ньёрд подытожил.

– Мы понимаем, что происходит нечто необычное и даже невероятное. На нашей Ветви – мы немногие, может быть последние, из неспящих. Мы не можем связаться с Управляющим – это ещё удивительнее, чем засыпанные снегом корабли и призрачные поезда. Если мы не покинем Ветвь, то скоро уснём. Никто не может бодрствовать дольше нескольких суток после начала Великого снегопада. А он начнётся уже скоро. Мы должны сообщить об этой ситуации Верхушке Кроны. Похоже, единственная возможность – подняться наверх самим. Ствольные лифты не работают: роботы говорят о перезагрузке системы. Даже если это на самом деле перезагрузка, а не поломка, мы не можем ждать. Нам надо наверх.

– Может, правильнее остаться здесь? – спросил Форсетти. – Уснём позднее... А с этой ситуацией разберётся Императорская Специальная Служба Короны – чуть раньше или чуть позже.

– Я не уверена, что мы уснём, – подумав, ответила Фрейя. – Я сегодня утром завершила все дела и пыталась уснуть и уснула, но это был не глубокий сон, когда осознаёшь, что ты – внутри Зимнего сна и можешь покинуть тело и пойти по своей дороге, нет, это был обычный сон без сновидений, я проснулась спустя час, вышла на улицу и увидела сигнальные ракеты... Нет, я не уверена, что мы уснём, а если и уснём – что произойдёт тогда...

– Безопасность города и станции обеспечат охранные системы, тут всё спокойно, а если бы и иначе – не думаю, что мы вшестером смогли бы этому помешать. Надо ехать, – уверенно сказал Ньёрд. – А на чём?.. – вставил Хёд. Перед этим он думал совершенно о другом и почти не принимал участия в разговоре. Он боялся проверить свои предположения и отгонял от себя эти мысли. Но они упорно приходили ему в голову. После рассказа железнодорожника об экспрессе, он думал только об этом.

Железнодорожник покачал головой.

– Есть мой старый двухместный аэроплан. Но он в ремонте, работы на несколько дней, – заметил Ньёрд. – И лететь смогут только двое.

– И стать призраками, как воздушный шар, или превратиться в снеговиков... – усмехнулся Форсетти. – Я бы не рекомендовал...

– Можно попробовать пройти по побережью Ближних снов до Верхней Кроны... Правда, перед Великим снегопадом там усиливаются пространственно-временные искажения... – прозвенел, как колокольчик, голос смотрителя Пристаней.

– Вообще-то на шоссе спокойно... То есть там ничего чудесного не произошло, никаких призраков... Последний автобус ранним утром пришёл из Яблоневого сел, – как обычно... – отметила Фрейя.

Девушка расстегнула и снова застегнула молнию на яр-

ко-красной куртке. Она волновалась.

– Мы могли бы поехать на мотоциклах Патруля, все остальные патрульные уже спят. Ещё есть джип. Доедем до Большой эстакады, а там – несколько дней пути... Теоретически... На Верхушку Кроны давно никто не ездил по этой дороге...

– Пожалуй, это лучший вариант, – ответил Скирнир.

Остальные его поддержали.

– Сбор – через час, у здания патруля, – предложил лётчик. – И вооружитесь чем можете...

Все согласились и пошли собираться. Поляна опустела.

Из-за дерева выглянул снеговик.

* * *

...Хёд добрался до дома. Несколько раз он переходил на бег и вот, запыхавшись, открыл дверь и вошёл внутрь. Дом был готов к Зимнему сну. Все вещи лежали на своих местах, реактор тихо гудел в дежурном режиме. Ещё несколько часов назад он был уверен, что днём ляжет на кровать, рядом с Эйр, и, покинув «тяжёлое» тело, в лёгком эфирном облике отправится в их общий сон – к мосту и воздушным шарикам, лесу, за которым блестит водокачка на Краю Света. Но сейчас он медлил. Хёд видел – Эйр уже ушла в сон. Перед ним была чуть тёплая статуя. Он поднял её, сильно встряхнул, пытаясь разбудить, хотя знал – пробудить человека, ушед-

шего в Зимний сон, почти невозможно.

Она смотрела на него. – Ты спишь? – Нет, проснись!.. – Мы не спим? – Где ты, Эйр, скажи!

– Не знаю. Я буду ждать тебя у нашей водокачки на Краю Света...

Она закрыла глаза.

Но он знал, что не сможет попасть туда. Уже в конце встречи на поляне он понял, что показалось ему странным, когда он проходил мимо моста, уводящего в сон. За разноцветным жёлто-сине-зелёным лесом он не увидел далёкого, хорошо знакомого ему силуэта водокачки. Когда он вернулся, мост уже поблек, сдувшиеся воздушные шарики лежали на земле. Вход стал серым, словно занавешенным дождём, и медленно таял в воздухе. Хёд попробовал пройти вперёд, но не смог – словно пытался нырнуть в очень солёную воду, которая выталкивает обратно. Он не знал, куда попадёт, если уснёт. Но был уверен – их сон для него уже закрыт. И не знал, где Эйр.

Из статьи в школьном учебнике Хёда

Зимний сон – особое состояние, в которое впадают обитатели Верхней, Средней и Нижней Кроны Древа, а также Ближних снов и, частично, Сумеречной Зоны (предместий Хель). Начинается в октябре – ноябре (до Великого снегопада), продолжается до марта – апреля (Весеннего пробуждения). Во время сна физическое тело находится в состоянии, схожем с анабиозом, – все жизненные функции

сведены к минимуму. Лёгкое «эфирное» тело (также называемое душой) в это время отправляется в Сон: собственный или общий с кем-то (порой – соединённый переходами). Искусство построения сна является одним из важнейших навыков обитателей Древа. Дети уходят в сны в сопровождении родителей, первый самостоятельный сон разрешается только при достижении совершеннолетия и контролируется Наблюдателями из Ближних снов.

Приписано Хёдом

А этой зимой мы пойдём с отцом под парусами к островам!

Глава II, в которой герои собираются в путешествие и сталкиваются с непредвиденными обстоятельствами, а также снеговиком и карликом

– Слышишь, как снег шуршит о стёкла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, любит поля и деревья, раз он так нежен с ними! Он укрывает их белой периной, чтобы им было тепло и уютно, и говорит: «Спите, дорогие, спите, пока не наступит лето». А восстав от зимнего сна, Китти, они наденут зелёный наряд и пустятся в пляс на ветру. Ах, как это красиво! – Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. – Хорошо бы всё это и вправду так было! Ведь осенью лес и в самом деле такой сонный. Листья деревьев желтеют – и он погружается в сон.

Льюис Кэрролл

Ньёрд собирал вещи в доме у лётного поля. Побрился, взглянул в зеркало: светловолосый молодой человек, чуть за тридцать, с тонким шрамом на щеке, ясными, но серьёзны-

ми, грустными глазами, видевшими три военные кампании.

...Винт самолёта встал, от него тянулась тёмная струя дыма. Почти вся эскадрилья была уничтожена, ещё два маленьких красных самолёта крутились где-то в высоте, отбиваясь от огромных крылатых рептилий. Самолёты должны были заходить волнами – здесь, на Нижних Уровнях Кроны, работало только механическое вооружение. Их цель – эскадра противника – находилась на якорной стоянке в глубине залива Тёмного острова, её путь лежал вверх по течению – к портовым городам Нижней Кроны. Воздушная атака была призвана упредить вторжение. Уже обогнув Ветвь и влетев в отверстие Южного дупла, они поняли, что попали в ловушку. Вероятно, земноводные драконы прятались на мелководье. Когда эскадрильи приблизились, они поднялись вверх. Истребители были уничтожены почти сразу, немногие торпедоносцы вышли на боевой курс:

«Бросай, бросай, ради всего святого, Ньёрд...», – закипел и остыл крик в наушниках.

Его торпеда попала в нос линкора, взрыв высоко подкинул башню. По самолётам стреляли из всего что может стрелять: арбалетные стрелы летели вместе с трассирующими пулями пулемётов и осколками шрапнели.

Стрела рассекла щёку, кровь стекала и размазывалась по кабине...

Ньёрд активировал защитную систему: в разные стороны разлетелись красные шарики-сторожи. Между транспортны-

ми учреждениями Южной Станции, находившимися недалеко друг от друга, действовала канатная дорога, но она была отключена на зиму: оранжевая кабинка покачивалась возле опоры. Ньёрд решил пойти напрямик через лес – пост Патруля располагался в поле, в трёх километрах от аэродрома. Лес был сумеречным, шумели тяжёлые ветви, напоминающие корни огромных растений, которые проросли сверху – из низкого серого неба. Он вышел на опушку и увидел впереди здание Патруля. Открытая дверь скрипела на ветру. Ньёрду вспомнилось, как он стоял, опираясь на крыло сбитого самолета, а в небе летели огненные, фиолетово-оранжевые драконы, которые выпускали длинные языки пламени; разбитое крыло скрипело, и он понимал, что надо спрятаться, потому что скоро на охоту выйдут болотные огоньки, но вокруг были топи. Он так ясно увидел это, что насторожился и снял карабин с предохранителя. И услышал выстрел.

...Ньёрд заметил Фрейю, которая стояла у мотоцикла на дороге и напряжённо смотрела на него: она закусил губу и чуть заметно кивнула головой в сторону здания. Он понял, что девушка под прицелом, а дальше – чёрное пятно на дороге – чьё-то тело. В дверном проёме Ньёрд увидел фигуру и выстрелил по ней, Фрейя упала на землю, он выстрелил ещё несколько раз: пули с сухим треском пробивали стену. Из окна высунулся ствол, раздался выстрел, а потом ещё и ещё один со стороны леса – это открыл огонь подоспевший Хёд. Зазвенело разбитое стекло.

– Фрейя, ты как?! – крикнул Ньёрд. – В порядке!

– Похоже, мы их уложили... – Ньёрд осторожно пошёл в сторону здания, рядом с ним Хёд.

И вдруг они увидели плывущие по воздуху разноцветные пузыри.

...Ньёрд стоял у крыла самолёта. Вокруг кружили болотные огоньки, сливались в мягкое разноцветное зарево, затягивали в кошмары. К нему протянулась тень от искривлённого дерева с шипами, обхватила его и стала поднимать всё выше, к небу, где кружили драконы. А где-то неподалёку гудел колокольный звон (Ньёрд слышал его глухо, как сквозь воду), и Хёд бился внутри колокола, подобно заблудившейся бабочке. «Смерть, – подумал Ньёрд, – она близко». Но вдруг кошмар расплылся и исчез – только сухая трава, низкие облака. Ньёрд и Хёд лежали за джипом у поста. Фрейя и Скирнир были рядом.

– В атаке принимали участие люди, – прошепел Скирнир, – и кто-то ещё прятался за углом. Он погрузил вас в грёзы, ваши кошмары, способные остановить сердце, но я успел вам помочь...

– Я чинила мотоцикл, – рассказывала Фрейя. – По дороге шёл человек, раздался выстрел и он упал. Те двое спрятались в здании, после выстрела они сказали мне подойти к ним или будут стрелять. И почти сразу появились вы. Потом существо атаковало вас, но Форсетти издалека открыл по нему огонь – и оно исчезло. Видимо, сбежало. Форсетти и Хельг

ищут его. – А те, в здании? – Убиты. Форсетти проверил. – Так кто же был на дороге?.. И кто стрелял?..

– Неизвестно. Все наши живы.

Форсетти и Хельг скоро вернулись. Форсетти был возбуждён, видимо, ещё выпил перед дорогой. На нём был егерский мундир, на ремне болтались фляга и – вместо кинжала – широкий тесак. На голове – кепка с эмблемой Чёрных егерей, в руках – штурмовая винтовка. Хельг был в своей обычной железнодорожной форме, с охотничьим ружьём, снабжённым оптическим прицелом.

– Этот колдун сбежал!.. Больше никого не обнаружили! – издалека крикнул Форсетти.

Они подождали некоторое время, вокруг всё было спокойно.

– Надо убрать убитых, – сказала Фрейя, – можно положить их в морозильную камеру в гараже.

Они обыскали тела в здании поста, ничего особенного не нашли – крепкие мужчины в камуфляжах без знаков различия, со стандартными армейскими винтовками. Потом пошли на дорогу за третьим. Тела не было видно за высокой сухой травой.

– Вот тебе и на, – Форсетти хмыкнул, – его нет!..

По дороге ветер гнал сухие листья вперемешку с серым пеплом.

* * *

...Они выехали спустя полчаса, солнце уже склонялось к закату. Фрейя сказала, что перед Большой эстакадой есть мотель, где можно остановиться на ночь. Мотель роботизированный, поэтому на время Зимнего сна уходит в спящий режим, но его можно разбудить. Дул тёплый ветер, воздух пах какой-то особенной прощальной сладкой горечью, настоящей на полыни, осенних закатах, позавчерашних часах, засахаренном малиновом варенье, звуках одинокого колокола.

Они переглянулись, огляделись вокруг – будто бы им показалось, что они не вернуться назад – и выехали на трассу.

Если бы кто-нибудь из них обладал слухом летучей мыши, возможно, он бы расслышал, как за деревьями возле дороги снеговик говорит с карликом.

– Этот негодяй уничтожил отличное творение! Можно сказать, даже произведение искусства! Одной копией меньше!.. Пришлось действовать по другому плану!.. – злобно сказал карлик. – И он разбил пулей мою отличную пузырящуюся дуделку!.. Выдувалку кошмаров! Второй такой не найти!

– А мне кажется, что все эти потуги с подставными лицами попросту бессмысленны! Некий театр! Театр масок! Или джокер в колоде!.. Лучше не тратить зря время!.. Загнать! И перебить! – ответил снеговик.

– Наши силовые ресурсы здесь пока ограничены!.. Одно не отменяет другого! К тому же для джокера сложились отличные условия!.. Ты должен это признать! А коллегам внедрение не удалось вовсе! Мелкая дрянь! Их пришлют к нам на посылки!..

Снеговик и карлик рассмеялись.

Глава III, в которой появляется Салли, а робот жарит блины

*Так знайте, нынче вечером я буду ждать.
Достаточно одной искры и Гадали явится!.. –
произнесла невидимая женщина уже совсем сонным
голосом.*

Вилье де Лиль-Адан

...Первой ехала Фрейя, на ней была кожаная куртка и белая рубашка, которая спускалась вниз из-под куртки и напоминала – так подумал Хёд – сложенные крылья жука или другого насекомого, но вокруг не было никаких насекомых, они погрузились в свои малые тихие сны, а вот кавалькада мотоциклистов – впереди Фрейя, за ней Форсетти на громоздком, трёхколёсном байке, за ними Ньёрд и Хёд на тяжёлых мотоциклах, замыкающими – Скирнир и Хельг на джипе, они неслись по пустым улицам, и те отвечали им эхом, среди облетающих клёнов и вязов, а где-то во дворе гудела бочка, а потом поворот, и они выезжают на автостраду – серое полотно, фонари, поля со всех сторон, и впереди – горы. Эта дорога была привычной и безопасной – до Ствола, по ней ездили рейсовые автобусы (все они, автобусы и их водители уже спали в гаражах и постелях), а дальше дорога уходила вверх, вливалась в Большую эстакаду, которая оборачи-

валась вокруг Ствола спиралью, подобно годовым кольцам. Ею пользовались для близких поездок, в основном на соседние Ветви, а высоко вверх давно никто не ездил – возможно, исключая Специальную Службу Короны. Они мчались среди полей. Шёл редкий снег: одна, вторая снежинка, и Хёд вспомнил о том, как он стоял посередине двора, утром, сразу после пробуждения в марте, перед Весенним торжеством, и слепил маленького снеговика из оставшегося у забора серого снега, чтобы насмешить Эйр, – она вышла из дома, плыли длинные волнистые облака, звенела поздняя капель; и она спросонья не увидела снеговика; подошла к Хёду, уткнулась в рубашку, обняла, тихо дышала.

Наступили сумерки, они ехали включив фары. Впереди темнело небольшое здание, Фрейя подъехала к нему, заглушила мотор и крикнула: «Привет!»

Дом ожил, загорелись разноцветные гирлянды, яркие фонарики во дворе, запахло чем-то сладким, будто донёсся запах из кухни, словно их тут давно ждали и не садились за стол. Хёд увидел, как во двор вышла женщина.

– Хозяйка, встречай гостей! – Привет! Добро пожаловать! Меня зовут Салли! Они припарковали мотоциклы и джип, прошли в помещение. Форсетти в шутку попытался приобнять Салли, но вместо холодного пластика ощутил живое тело. Он отдернул руку и удивлённо посмотрел на женщину, которая, как ни в чём не бывало, пошла к бару, где серебряный робот разливал кофе. – Разве она не робот?..

– Сразу видно, что ты консерватор... Это новая разработка из Ближних снов, – усмехнулась Фрейя. – Кого ты видишь?

– Голубоглазую блондинку, загорелую, отлично сложенную, ну, впечатляюще, скажем так, в очень-очень облегающем платье – протянул Форсетти.

– А ты? – обратилась она к Хёду.

Хёд посмотрел на Салли. У него защемило сердце, она показалась похожей на его жену, но не совсем, были какие-то отличия... Он отвернулся.

– Салли – это ваша мыслительная проекция, – продолжала Фрейя, – своего рода направленная галлюцинация. Все видят того, кого захотят, с определёнными поправками, конечно. Программа не воссоздаёт образ полностью, лишь основные черты, зато передаёт не только визуальные, но и обонятельные, осязательные ощущения, подстраивается в процессе вашего восприятия. Накормить она вас не сможет, так как, строго говоря, её не существует – это сделают роботы. А вот встретить, проводить, поболтать о чём-нибудь – запросто...

Хёд взглянул на хозяйку сна. Болезненно поразившее его сходство Салли с Эйр почти стёрлось, теперь она походила на девушку из журнала мод: симпатичную, стройную, лишённую особых индивидуальных черт.

– А ты кого видишь?.. Небось чемпиона по гонкам, или хоть вот его, – Форсетти ткнул пальцем в Ньёрда, который снял лётную куртку и возился у музыкального автомата.

– Я вижу красивую девушку, похожую на меня!.. – ответила Фрейя, покраснев.

– Если мы видим её по-разному, то у каждого получается своя «проекция»? – спросил Хёд.

– Нет, это было бы слишком дорого для такого мотеля. Скажем так, программа одна, просто разный интерфейс, – присоединился к разговору Скирнир, – созданный на основе исходной личности. Девушка просто меняет костюмы и маски...

– А я вижу поезд, точнее, девушку, которую я видел в окне поезда, она вышла на моей станции, из экспресса, отходящего от перрона, и шёл снег...

Голос Хельга прозвучал громко и странно. Женщина у бара улыбалась. И тут заиграла музыка.

Хельг встретил девушку на перроне. Она была одета не по погоде и мёрзла в своём стареньком пальто не по размеру. У неё не было денег и не было знакомых в этом городе. Он отвёл её в здание вокзала, напоил чаем. Возле вокзала фыркали и переступали с ноги на ногу лошади, паровозы свистели в холодном воздухе – осень в этом году была ранней и холодной. После окончания работы он привёл девушку домой. Укладывая её спать на свою кровать (себе он постелил пальто в коридоре), Хельг заметил, что засохшая герань на окне расцвела. Утром воскресенья они слепили маленького снеговика во дворе, а потом вернулись домой, обедали и молчали, а девушка водила пальцем по газете с забав-

ными старинными буквами. «Прибытие поезда ожидается в полночь», – прочла она вслух.

Примерно два часа они ужинали, слушали музыку, Фрейя поочередно танцевала с Форсетти и Ньёрдом, пока Форсетти полностью не переключился на Салли, после чего Фрейя старалась не смотреть в их сторону. Хёд, после двух рюмок виски со льдом, пил крепкий чай, Скирнир сидел за столиком и подкреплялся чем-то «по особому рецепту для жителей Ближних снов» из непрозрачной тёмной бутылки. Хельг внимательно смотрел на маятник старых часов с кукушкой, которые висели на противоположной стене.

Номера были на втором этаже, вполне приличные. Хёд видел, как Форсетти отправился туда с девушкой с обложки журнала мод (или загорелой блондинкой). Через стену долго слышались стоны, крики и скрип кровати. «Ну и фантазия у него», – подумал Хёд, засыпая. Форсетти проснулся, низкое осеннее солнце било ему в глаза. Рядом лежала Салли, вот она потянулась, встала с кровати. Форсетти вновь оценил её замечательную фигуру и мысленно похвалил своё воображение. Салли надела туфли, взяла платье и вышла голой из номера, ничуть не опасаясь, что в таком виде её увидит кто-нибудь посторонний. Хёд пил кофе. Чуть раньше Салли, в вязаном свитере с ёлочками и оленями, спустилась по лестнице и попыталась поболтать с ним, но быстро уразумев, что это ни к чему, отошла и теперь сосредоточенно вязала шарф (скорее всего – воображаемый). Робот жарил блины – добавку для Ньёрда, позавтракавшего с большим аппетитом после часовой пробежки. Фрейя осматривала мотоциклы. Они выехали через полчаса, перед тем как уйти, железнодорожник снял со стены часы. «Я их купил», – сказал он недоумевающим спутникам и положил часы в багажник джипа.

Салли помахала всем на прощание, особенно Форсетти, и вскоре кавалькада скрылась вдаль. Огни мотеля погасли, над ним двигались большие белые облака. Если бы Ньёрд оглянулся и посмотрел в бинокль, то увидел бы, что кто-то появился на дороге. Это был карлик. Он подошёл к мотелю,

снова засиявшему разноцветными огнями.

– Привет, Салли, – сказал он женщине, открывшей дверь.

Она кивнула.

Глава IV, в основном рассказывающая о Большой Эстакаде и славных парнях, которые едут на мотоциклах и болтают о том о сём

В тот же вечер он выехал в Анатолию, а на другой день поезд шёл полями, засеянными маком, из которого добывают опиум, и сейчас он вспомнил, какое странное самочувствие у него было к концу дня, и какими обманчивыми казались расстояния последнюю часть пути перед фронтом, где проводили наступление с участием только что прибывших греческих офицеров, которые были форменными болванами, и артиллерия стреляла по своим, и английский военный наблюдатель плакал, как ребёнок.

Эрнст Хемингуэй

Через несколько часов они доехали до Ствола. Все видели его вблизи (это входило в обязательные курсы школы, хотя далеко не все в своей жизни перемещались куда-либо, кроме своей и Ближних Ветвей). Ствол поражал. Он занимал собой почти весь горизонт. Но это не была чёрная, тусклая, печаль-

ная стена. Ствол был похож на угасающий костёр: по нему пробегали искры, где-то вдруг вспыхивали огоньки пламени – не тревожные, нет, сродни детскому ночнику с волшебными картинками. Ньёрд знал, что выше ствол становится ещё ярче, а на Последних Ветвях Нижней Кроны (где он был во время войны) Древо темнеет – и, подходя к нему, ощущаешь, будто приближаешься к границе ноябрьской ночи.

Но тут, в Середине Кроны, на Ствол можно было смотреть бесконечно: как на море вечером, на дальний огонь маяка.

Они стояли – долго. Возможно, и уснули бы там – в тишине, без снов, если бы железнодорожник не вышел из джипа и не поднял шлагбаум. Его скрип пробудил всех, они посмотрели на дорогу. Эстакада была почти прямой и только где-то вдали слегка изгибалась вокруг огромного Ствола. Они – все они – понимали, что это уже другая дорога, которая уведёт их очень далеко. Взревевший мотор прозвучал как орудийный залп. Фрейя поехала впереди, и за ней последовали все остальные.

...Это была Большая эстакада, странное, необычное место, которая частично примыкала к Ближним снам, причём в них – неподалёку от этого въезда – располагался морской залив. Было любопытно наблюдать, как на дорогу накатывают ярко-голубые, почти прозрачные волны, скользит лёгкая рыба, а там, где должен быть дорожный знак, вдруг расцветает вниз головой хризантема медузы.

...Фрейя шла по мягкой, чуть колеблющейся поверхности

Листа. Сначала идти было неудобно, а потом даже приятно – будто по пене прибоя, мелким волнам. Вокруг были виноградники – казалось, что они вырастают из самой плоти Листа, но нет – они были посажены в него, и Лист питал их своими соками. Фрейя оканчивала школу, они с классом приехали сюда – в мир тихого ветра и зреющего винограда, из которого делают знаменитое Фьёрмское вино. Она отбилась от группы одноклассников, и шла вперёд, где горели красные огни, предупреждающие о крае Листа. Ветер качал виноград, и Фрейе казалось, что она чувствует, как его кисти наливаются соком, как пробуждается и в ней хмельное весёлое чувство: ведь впереди – лето, Высшая мотошкола, куда она была зачислена автоматом после победы на ралли, и что-то ещё, кто-то чаемый, неизвестный: не его голос звучит в этом ветре?.. Фрейя посмотрела вверх – дальше, у самого края Листа, летел красный военный самолет. Она помахала ему...

– Ткань снов в это время – конца Листопада – особенно подвижна, – прокомментировал Скирнир, – но, собственно, это не сами Ближние сны, а их отражения, что-то вроде радуги или зарницы. На самом деле все эти места находятся глубже, в Трещинах Кору, Прожилках Древа, – добавил он, когда сквозь его голову проплыла, тихо шевеля хвостом, белая акула.

Через несколько часов они остановились на привал – то ли на асфальтовой площадке у дороги, то ли на песчаном

дне, среди морских звёзд. Неподалеку был съезд на Ветвь, располагавшуюся немного выше и восточнее, чем та, откуда они выехали. Солнце ярко светило, они ощущали, что становится теплее. Форсетти открыл свою фляжку и сладостно улыбнулся, вспомнив о своём ночном приключении.

– Вообще-то мне надо ненадолго отлучиться, – сказал Скирнир. – Ближние сны тут совсем рядом, наведаюсь, посмотрю, что и как, может, узнаю разные новости...

– Но ведь ваши тоже спят, – отметил Форсетти.

– Не совсем. Точнее, не совсем по-вашему. Строго говоря, мы спим постоянно... Но во время Зимнего сна мы погружаемся в состояние, которое называется Сон внутри сна, говоря математически: Сон в квадрате или Сон в кубе, в зависимости от желания и подготовки... При этом наши «лёгкие тела» внутри Ближних снов подобны – ну вот им, – Скирнир показал на проплывающую над ними прозрачную медузу. Они свободно кочуют в пространстве Ближнего сна, преображаясь, меняя форму, наше сознание то удаляется, то приближается к поверхности восприятия внешнего мира. Обладая определёнными навыками, можно пообщаться со спящим, – не так, как здесь... Хотя и здесь... – Скирнир замолчал.

– Ты ведь можешь отсюда проникнуть в чужие сны, уже начавшиеся наши сны?.. – взволнованно спросил Хёд.

– Вообще-то да, но в очень особых, редких случаях... Но сейчас всё не так... Я пытался, там, внизу: похоже, входы за-

крыты и для меня... Скирнир мягко пошёл-поплыл к краю дороги, где за небольшой лесопосадкой, светилась Кора Древа.

– Пожалуй, неплохо было бы осмотреть и эту Ветвь, – Хёд сел на мотоцикл. – Кто со мной?

– Давай. – Ньёрд сел на мотоцикл, оглянулся на Фрейю и других. – Думаю, вам тут ничего не угрожает.

Форсетти картинно передернул затвор штурмовой винтовки.

Из школьной работы Ньёрда по географии

Большая часть Ветвей Средней и Нижней Кроны соприкасаются. В некоторых случаях можно просто перейти с Ветви на Ветвь, в других – построены мосты. Также их связывают реки, текущие по Ветвям и внутри Ствола. В некоторых районах они протекают через области Ближних снов, и в этом случае путешественникам следует быть особо внимательными. Кроме того, в Стволе проложены тоннели – там раньше перемещались на лошадях и повозках, а теперь – на поездах и автомобилях. Важной транспортной артерией была Большая эстакада, связавшая все Ветви Кроны. Однако после открытия энергетических полей многие транспортные средства получили возможность перемещаться по воздуху. В настоящее время это наиболее популярный способ перемещения с Ветви на Ветвь, также удобно пользоваться Ствольными лифтами. Для перемещения по Ветви или по соседним Ветвям часто используется обычный транспорт – это

связано с нежелательностью большого расхода энергии.

Хёд и Ньёрд ехали вниз по дороге, ответвляющейся от эстакады. Хотя эта Ветвь была немногим выше их Ветви, различия уже ощущались: облака – лёгкие, редкие, розовые, погода – теплее, словно месяцем раньше, чем у них.

– Выше – ещё несколько Жилых Ветвей Средней и Верхней Кроны, где есть города и селения, ещё выше – Обитель Неусыпающих, потом Тонкие Ветви, на которых объекты Специальной Службы, а затем – Верхушка Кроны и на ней – Асгард, замок Императора, – рассказывал Ньёрд.

Собственно, Хёду все это было теоретически известно, но Ньёрд говорил со знанием дела...

– Ты всюду побывал? – Хёд ощутил себя законченным домоседом, хотя и сам был в Дальнем море, на Нижней Кроне и ещё в паре экзотических мест.

– Много где... Облёт разных Ветвей входил в программу лётной подготовки, ещё до войны. Ты ведь тоже воевал?..

Хёд кивнул. Они ехали рядом, не очень быстро. Нежно-розовые облака чуть нахмурились, перед ними пролетело несколько снежинок. Вдали показались шпили города.

– Извини, можешь не отвечать... Я ведь видел тебя тогда, в трансе, возле ангара. Ты был внутри колокола...

– Может колокола, а может, и нет. – Хёд невесело усмехнулся. – Как по мне, так внутри горящего бронетранспортёра на Нижней Ветви. Мне стоило много усилий убрать его из моих снов, но где-то глубоко он ещё есть – в том или ином

виде: колокола, горячей печи, в общем-то, ерунда, все через это прошли, через отдел сновидческой реабилитации, я имею в виду...

... Части Воздушногo десанта высадились на Тёмном Листе Нижней Ветви. Предыдущая операция на Ветви выше была проведена безупречно, противника застали врасплох, вторжение было сорвано. Сейчас всё было не так. Приземлившись, Хёд увидел горящую технику и трассирующие очереди со всех сторон. Бегающий перед ним солдат упал – в его горло вцепилась мелкая рептилия, прятавшаяся в грязи. Хёд сбил её штыком, но солдат был уже мёртв – тварь практически оторвала ему голову. Впереди встала огненная стена – воздушные силы прикрытия бомбили атакующих тяжёлых ящеров. Хёд прислонился к бронетранспортёру и открыл огонь по вспышкам среди лиан – где прятались солдаты противника. Люк открылся, офицер втащил его внутрь. «Сержант, к пулемёту!..» Он стащил с сиденья убитого солдата, навёл прицел на серую движущуюся стену – ящеры продолжали атаку, некоторые из них горели, подожжённые фосфорными бомбами. «Назад, назад!.. – кричал офицер, прижимая к уху наушник, – Общая команда, всем назад!» Техника отступала к вершине холма, откуда стреляла артиллерийская батарея. Вдруг над ними пронеслись серые быстрые тени и батарея замолчала. Хёд продолжал стрелять в приближающуюся огромную тварь. Она упала, но прямо за ней появилась другая: фиолетово-оранжевая,

выпускающая пламя... Хёд кричал, он чувствовал только боль и где-то звучавший крик, его крик, потом крик утих, осталась боль, а потом прошла и она. И появились глаза, знакомые тёплые глаза, взгляд, который как волна уносил его далеко-далеко, к маяку, к водокачке... или – да, Башне на Краю Света... «Эйр!..»

Ньёрд и Хёд подъезжали к городу. Для тех, кто уходил в сон вовремя, он представлял бы удивительное зрелище, но сотрудники Южной Станции засыпали позже других, и поражены они не были. Однако и для них город выглядел необычно. Солнце заливало лучами совершенно пустые улицы, когда они выехали на площадь и заглушили моторы, наступила полная тишина.

– Как думаешь, тут может быть засада?..

– Если наше передвижение отслеживается, то возможно... – Ньёрд осмотрелся по сторонам. – Плохо то, что мы так толком и не знаем, с чем имеем дело... Возможно, это диверсионная вылазка сепаратистов с Нижней Кроны, которая сочетается с совершенно необычным технологическим сбоем. С другой стороны, всё, что не касается напрямую нас, выглядит совершенно нормальным. Вот, например, этот город.

Ньёрд подошёл к зданию и позвонил в колокольчик у входа. Его звон в тишине прозвучал как колокольный бой. Перед входом в здание зажёгся огонь, луч скользнул по Ньёрду, остановился на его идентификационном браслете Служ-

бы Кроны и погас.

– Видишь, охранная система работает в штатном режиме. – Он нажал на кнопку на браслете.

– Никаких отклонений нет, город спит. Проникновений не выявлено...

– А если наше путешествие выдуманно?.. То есть мы находимся внутри некой иллюзорной реальности?..

– В мотеле мы подробно обсудили со Скирниром и такой вариант. Нет, не получается. Если перестрелка у ангара и могла быть смоделирована направленным гипнотическим воздействием, то всё последующее и предыдущее выходит за ее рамки.

– Если мы только не снимся друг другу... Или только мне, – рассмеялся Хёд. – Вот проснусь я и ты, фьють – растаешь, как свеча...

– Отдаю должное твоему солипсизму, – усмехнулся Ньёрд.

– А тебе не приходило в голову, что это может быть некий иной сон, под воздействием препаратов, например?..

– Нет, не думаю. Наши действия происходят в реальности, другое дело, что она подкидывает нам необычные сюрпризы, в некотором смысле алогична – как бывает в снах, где действие не прямо сопряжено со своим результатом. Одно я знаю точно – наше путешествие не случайно и должно дойти до своего финала. Это очень важно, я понимаю это так же хорошо, как и то, что мы не сами идём по этому пути – нам он указан: кем-то и зачем-то. Думаю, на Верхушке Кроны мы получим ответ. А, может быть, и раньше, если те, кто противостоит нам, в этом преуспеют.

Впрочем, я бы съел что-нибудь. Автоматы у кафе в дежурном режиме, давай перекусим.

Они подошли к ярко-красным автоматам с бутербродами, выбрали (в наличии оказалось меньше половины меню – только с длительным сроком хранения), приложили браслеты Службы Кроны. – Дороже, чем у нас.

– Но и вкуснее, пожалуй. Эта Ветвь для состоятельных людей.

– Особенно рыба из Ближних снов. Сейчас мне хочется тунца – и вот! Когда я впервые попробовал еду Ближних снов, то поразился, что она полностью соответствует моим

пожеланиям – что бы ни взял, будет именно то, что ты хочешь. – Хёд с аппетитом ел фишбургер с полупрозрачной рыбой.

– В походе лучше что-то более реальное, еда Ближних снов практически лишена калорий, она ведь почти не существует... – Ньёрд съел два традиционных гамбургера и запил банкой воды.

– Кстати, неплохо было бы заправиться. В джипе есть канистры, но подстраховаться не мешает. Заправки на время сна здесь на всякий случай заблокированы, но есть дежурная, в автоматическом режиме, – она у летного поля, за городом. Съездим туда. Может быть, увидим что-нибудь любопытное.

– Так точно, майор, – козырнул Хёд.

– Выполнять, сержант! – улыбнулся Ньёрд.

Они выехали за город, до горизонта расстилались поля.

Из записей Хёда

Очень долго (не скажу – вечно) можно смотреть на огонь и опавшие (оппадающие) листья. Чувствуется их сродство: мир овевают листья, очищает огонь. А потом: белый снег, белая зола.

Глава V, в которой Хёд оказывается в стеклянном шарике

Члены Ансельма, все теснее сжимаясь, коченели, и он лишился сознания. Когда он снова пришёл в себя, он не мог двинуться и пошевелиться; он словно окружён был каким-то сияющим блеском, о который он стучался при малейшем усилии – поднять руку или сделать движение. Ах! Он сидел в плотно закупоренной хрустальной склянке на большом столе в библиотеке архивариуса Линдгорста.

Эрнст Теодор Амадей Гофман

По дороге Хёд думал о том, что, возможно, совершил ошибку, отправившись в это путешествие, начатое по непонятной причине и с неочевидной целью. Он не был так же целеустремлен, как лётчик, после войны он больше любил свой маяк, книги, покой, созерцание. Теперь ему казалось, что лучше было бы остаться с Эйр, попытаться уснуть, а если не выйдет – жить в заметённом снегом доме, читать любимые книги, есть консервированную фасоль с мясом из автоматической продуктовой лавки, пить глинтвейн и виски со льдом, смотреть, как кружат метели, и то хмурится, то улыбается во сне Эйр. А весной бы он соорудил настоящего сне-

говика, до самой крыши! И отвечал себе: «Эйр ушла в сон одна. Она не нашла там меня и, возможно, не найдёт. И я, вполне вероятно, не смогу попасть к ней. Она легко отличит моё возможное подобие своего воображения от настоящего меня. Сейчас она ищет меня. Это будет не сон, а кошмар, который длится долго-долго. А я всё время буду рядом и не смогу ей помочь. А так – хоть попытаюсь разобраться в этой ситуации».

Ньёрд тоже размышлял, правда, на другую тему. Необходимость путешествия была для него очевидна, он всегда считал, что смысл вопросов состоит в том, чтобы найти на них ответы, и как можно скорее. Во время военных кампаний он видел много невероятных вещей, которые только потом складывались в нечто объяснимое и расширяли его представление о мире. В городе у него не было близких, он только недавно был уволен в запас после очередного ранения и поселился на Хёгландской Ветви. Все чаще он думал о Фрейе, и сейчас он представлял, как впереди несётся на мотоцикле её фигурка в кожаной куртке. Когда он впервые встретил Фрейю несколько месяцев назад, ему показалось, что он помнит её, и только в мотеле понял, где раньше видел. В самолёте, который достался ему после ремонта, – самолёт был подбит, пилот тяжело ранен, но сумел посадить машину – в кабине были наклеены фотографии из журналов. До этого он не совершал боевых вылетов на таких старых этажерках и с любопытством осматривал кабину. Между разных

красоток он увидел изображение совсем юной девушки в го-
ночном комбинезоне. Он отодрал остальные фотографии, а
эту оставил – на удачу. Она была приклеена справа от сиде-
нья и с краю испачкана кровью сбитого лётчика. Фотография
осталась в сгоревшем самолёте на Тёмном острове, и он уже
почти позабыл черты этой девушки, пока вчера не узнал её.

Они остановились на бензоколонке недалеко от лётного
поля. К ним от аэродрома двинулись красные шарики-сто-
рожи, но Ньёрд громко свистнул и они развернулись обрат-
но. – У нас, лётчиков, есть свои сигналы, – усмехнулся он.

Они заправились и собрались уезжать, когда Хёд почув-
ствовал на себе чей-то взгляд.

* * *

Фрейя, Форсетти и Хельг обедали возле джипа.

– Мы самые старые, девочка, и нам нужен отдых, – под-
мигнул Фрейе Форсетти, затем потянулся за фляжкой.

Хельг осматривал часы, присвоенные им в мотеле. Затем
заговорил, словно сам с собой.

– Сломанные часы дважды в сутки показывают правиль-
ное время, сломавшийся поезд каждые сутки находится в
нужной точке, но проваливается во времени: во вчера, в по-
завчера. Его опоздание становится фатальным, будто бы его
колеса заменены на шестерёнки часов, увозящих его в об-
ратную сторону... В них, в этих поездах, движущихся в об-

ратном направлении, выют гнёзда сломанные часы, набивают их всякой всячиной, подцепленной стрелками... И эти дали запасных путей, которые открывают неизведанные возможности судьбы...

Хельг тряхнул часы, из них показалась кукушка, один раз выкрикнула «ку-ку» и спряталась снова.

– Вы знаете, сколько есть неизведанных заброшенных путей, построенных очень-очень давно, я бы даже сказал, в незапамятные времена... Когда Древо было ещё совсем юным... Они проходят через пустоты в Стволе, по Ветвям, внутри них, множество тайных тоннелей над медленными, застывающими потоками... Некоторые ведут наверх, а некоторые вниз – в самый низ...

– И как далеко ты продвинулся? – спросил заскучавший было Форсетти.

– Я?.. Совсем недалеко. Местные линии, а потом эта небольшая станция на Хёгландской Ветви... Однако я все время думал о них, о поездах, идущих через длинные, бесконечные тоннели; поезда идут, а потом выезжают из них, и сначала солнце, а потом набегают облака, начинается дождь, ты подъезжаешь к перрону в странно знакомом городе и встречаешь кого-то, или кто-то встречает тебя...

– Стоп, там что-то происходит! – Фрейя подбежала к повороту, с которого открывался вид на Ветвь.

Вдали послышался звук выстрела, за ним – следующий.

* * *

...Хёд увидел стоящего за бензоколонкой карлика. Он вроде бы прятался, но не от страха, а желая произвести эффект. Как только его заметили, он выскочил из-за колонки и весело рассмеялся. На нём был расшитый камзол и майка с надписью «Кафе „Улисс“»: лучшие устрицы». – Не ожидали меня видеть, а вот он я!

Хёд и Ньёрд отступили, подняв карабины.

– Не стоит меня бояться, – сказал карлик. – Я друг! Просто вы заблудились и я хочу показать вам выход! Вот, смотрите!

Карлик достал из кармана стеклянный шарик, потрянул его. В шарике закрутилась метель, медленно опадая на дом. Хёд узнал его – это был их дом.

– А теперь присмотришь лучше.

Как сквозь увеличительное стекло Хёд увидел Эйр и себя, лежащего рядом. Оба они спали.

– Ты ведь хочешь быть с ней? Хочешь туда? На самом деле хочешь?.. Хёд взгляделся в мерцающий шарик, у него закружилась голова, он опёрся на что-то твёрдое, чтобы не упасть. Это оказалась спинка их кровати, на которой лежали Эйр и он сам. Он подбежал к Эйр, погладил по щеке и вскрикнул. Перед ним было подобие, довольно небрежно сделанный манекен, как в дешёвых магазинах. Однако его манекен был сделан ещё хуже и с некоторой издёвкой: у него были оттопыренные уши, длинный нос, а на майке написано: «Устрицы уплыли в неизвестные моря».

«Вот и попал в историю...», – подумал Хёд, борясь с паникой. Он взял себя в руки и осмотрелся по сторонам. В доме было не тепло и не холодно и совершенно тихо. За окнами падал снег. Однако приблизиться к двери или окнам Хёд не мог: дом реагировал на его движения и начинал меняться – стена, к которой он хотел подойти, отдалялась, а боковые стены сжимались, пока Хёд не оказывался в узком коридоре. При этом предметы перемещались на стены и становились будто бы нарисованными. Когда он с трудом делал шаг в обратном направлении, стены постепенно расширялись, пока Хёд снова не оказывался рядом с кроватью.

Потянулись часы заточения. Хёд обнаружил, что ему не

грозит смерть от жажды или голода – эти чувства просто не возникали. Также он понял, что может не дышать сколько угодно долго. Некоторое время он пытался бороться, найти выход из дома, но все попытки оказывались тщетны. Тогда Хёд сбросил свой манекен с кровати на пол, лёг рядом с кукольной Эйр. «Похоже, карлик этого и добивался... Я буду лежать тут, пока не сойду с ума или не усохну: вроде мухи между оконными рамами...»

Через некоторое время он осознал, что уже давно говорит с Эйр, рассказывает ей разные истории, а его манекен, как ему казалось, заинтересованно их слушает. Теперь он походил не на него, а на Бобби Брауна, моряка с буксира «Трудяга».

– Привет, Боб!

– Привет, Хёд!

– Сегодня к вечеру обещали улучшение погоды, но мы успе-ем вернуться.

Они плывут на маленьком красном буксире, он бодро режет волны на широкой Ветви Нижней Кроны, где находится Дальнее море. Над волнами прыгают дельфины.

– Боб, я познакомился с прекрасной девушкой...

– Хёд, брось её! Девушки влекут в порты, а моряку нужен простор!..

Крупная рыба берёт наживку, удочка гнётся, Хёд наклоняет её, подматывает леску, ведёт рыбу по широкому полукругу, в лицо ему летят солёные брызги, буксир ныряет

вниз и поднимается над волной, а вдалеке собираются тучи, их прорезают яркие лучи солнца...

...В доме светло, снег больше не идёт, сияет яркое весеннее солнце. Бобби Браун играет на губной гармошке, а карлик в расшитом карнавальном костюме на приставной лестнице снаружи протирает окно и весело улыбается Хёду...

– Я подожду тебя у нашей водокачки на Краю Света... Хёд очнулся от наваждения, дом снова изменился. Хёд впервые почувствовал, что ему тяжело дышать: дом съёжился, сжался до подобия гроба. И тут он ясно увидел лицо Эйр, нарисованное сверху, совсем близко. Рисунок заговорил.

– Тебе надо встретить меня у водокачки... Башни на Краю света. Это важно. Всё остальное не имеет значения.

Он будто почувствовал ее тёплое дыхание. Сосредоточился и представил себе кусты, деревья, водокачку... и Башню, словно проросшую сквозь неё, увидел Эйр, закат, солнце, облака. И вдруг гроб распался.

Он стоял на вершине – не водокачки, нет, огромной башни. Внизу шумели золотые листья. Над башней трепетали знамёна, а в небе расцветала красная звезда. У одного из флагов, с атакующим леопардом, стояла Эйр. Она улыбнулась ему. Хёд хотел броситься к ней, но тут понял, что стоит одной ногой на зубце башни, а другой балансирует над пропастью. Он попытался сохранить равновесие, но не удержался и рухнул вниз. Пролетел сквозь листья, пробил тонкий хрусткий лёд, окунулся в холодный поток под ним и очнулся

– на заднем сиденье джипа, едущего по дороге.

– С возвращением. Форсетти протянул ему фляжку.

Хельг сидел за рулём, Форсетти рядом с ним. Впереди были видны два мотоцикла.

– Привет. – Хельг обернулся и снова сосредоточился на дороге.

Кукушка выскочила из часов и прокуковала три раза. – Время сиесты! – Форсетти рассмеялся. Хёд сделал глоток, потом ещё один, и ещё.

– Что произошло? Сколько прошло времени? Где мы?

– По порядку. Когда мы подоспели к бензоколонке, Ньёрд яростно отстреливался от кого-то. Он сказал, что карлик заключил тебя в стеклянный шарик, а на него напустил змей. Змей мы не увидели, только продырявленные шланги у заправки. Ты попал в ментальную ловушку, я слышал про такие. Ты попал туда, потому что сам хотел там оказаться: это главное условие... С Ньёрдом, видимо, имело место гипнотическое воздействие, на него шарика не нашлось, – Форсетти усмехнулся, – его шарик едет рядом с ним по дороге... – А что дальше?

– Карлик сбежал. Нырнул в какую-то нору, они мастера на это дело. Да и карлик ли это был?.. Форсетти вдохнул дым из трубки и продолжал.

– Мы не дождались Скирнира. А оставаться там уже не могли. Написали ему записку, так мол и так, двигайся за нами – они, эти обитатели снов, здорово умеют срезать доро-

гу... Я оставил ему свой байк, да и в джипе мне удобнее!.. Выехали примерно сутки назад, был один привал, больше никуда не совались. Когда ты попал в шарик – как студент Ансельм в колбу – читал этот старый роман? – я засунул шарик в карман, а потом положил на сиденье. Он катался туда-сюда, и вдруг полыхнул, лопнул и появился ты. Неожиданно. Мы чуть не слетели с дороги. – В общем, тебе повезло. Да и всем нам. Хотя...

Форсетти усмехнулся.

– Друг мой Хёд... Сейчас я выгляжу довольно забавно, этакий престарелый живчик, но в своё время я был одним из лучших егерей в Чёрных лесах, полковником Чёрных егерей. Я принимал участие в Диких охотах, когда несёшься быстрее северного ветра, не разбирая дороги и путаешь день с ночью. Я видел, как колдуньи варят цветы папоротника на огне ущербной луны. В далях Пустошей я охотился на тварей, почти недоступных воображению, а в составе войск графа Де Лагарди сражался в Сумеречной Зоне... Я вот это к чему...

Форсетти выбил трубку в окно, полетели искры. Хельг недовольно поморщился.

– А я к тому, что эти нападения напоминают мне загон дикого зверя. Когда кто-то гонит его к определённому месту, до времени не спуская курок. Они слишком слабые, чтобы нас уничтожить... С другой стороны, слишком жёсткие, ребята не боятся попортить шкуру зверя... Возможно, они хо-

тят убить не всех нас, а возможно... Понимаешь, кошмар не должен убить – скорее, смертельно напугать, лишит воли, как тебя в этом шарике... Кстати, твоя очередь отвечать на вопросы...

Хёд рассказал про своё пребывание в доме и освобождение.

– Хорошая у тебя жена... А я старый холостяк. Меня никто не вытащит из шарика. – Форсетти подмигнул Хёду, – зато я туда и не попаду!

– Я вспоминаю её, когда она, худенькая как тростинка, шла навстречу небу, низким синим облакам, и её глаза синели, подобно озёрам, которые начинались за холмами, она шла, и я шёл за ней, тропинка вилась между сухой травы, а рассвета всё не было, он только брезжил на горизонте, – вдруг нараспев произнеёс Хельг.

– Хельг, я встречал твою жену в лавке, она чуть тоньше меня, – рассмеялся Форсетти, – наверное, это было давно?..

– Очень давно, – согласился Хельг.

Из «Популярного справочника Древа»

Различают несколько видов сна. Ночной (обычный, автономный) – происходит без выхода из физического тела и представляет собой реакцию мозга на события и переживания. Однако может быть соединён с Ближними и Дальними снами, а через них – с реальностью. Ближний сон – особая территория, физически расположенная в Коре Древа (Стволе и Ветвях) и представляющая собой тонкую

эфирную реальность, которая постоянно меняется, однако обладает своими постоянными временными, пространственными и физическими характеристиками. Населена обитателями Ближних снов. Тела обитателей Ближних снов менее плотные, чем человеческие, однако для существования вне Ближних снов могут быть «сгущены» до необходимых физических параметров. Дальние сны считаются «проекцией» Ближних снов, его ответвлениями. В них уходят спящие во время Зимнего сна и при определённых навыках могут создавать в них устойчивые формы бытия. Однако Дальние сны не обладают собственной реальностью и при отсутствии посещений своего создателя (в случае смерти или создания иного сна) постепенно сливаются с Ближними снами (этот процесс ускоряется Утилизаторами). Их связь с Посмертием не является очевидной, однако признается возможной. Также существуют «повреждённые» области Ближнего сна, так называемые nightmare или Колодцы кошмаров, непосредственно связанные с Поврежденными Корнями и Хель.

Глава VI, в которой снеговик ожидает путников в баре «Последний приют»

Тот бар в Филадельфии, где я сидел с 5 вечера до 2 ночи. Он казался единственным местом, где я мог находиться. Зачастую я даже не фиксировал, как иду в свой номер или возвращаюсь обратно. Мне казалось, что я вообще не слезаю со стула у стойки. Я ускользал от реалий, не нравились они мне.

Чарльз Буковски

Мотоциклы впереди остановились.

– Привал! Пора размяться. – Форсетти выбрался из джипа. – Кстати, твой мотоцикл мы взяли с собой, прикрепили на крыше. Так что можешь воспользоваться.

Радостно подбежали Фрейя и Ньёрд, девушка обняла Хёда, Ньёрд пожал руку. Хёд ещё раз рассказал о своём приключении.

– Мы и не сомневались что тут как-то замешаны твари из Сумеречной Зоны или ещё ниже... История с ментальной ловушкой только убеждает в этом. Но как туда смогла попасть твоя жена?.. – спросил Ньёрд.

– Не знаю... Это было как ветер. Словно кто-то приот-

крыл окно...

– Ладно, надо перекусить. У нас ещё достаточно провизии из дома, но вообще-то можно было бы куда-нибудь заехать...

– А может, воздержаться? – Хёд вспомнил своё пребывание в шаре и его передёрнуло.

– Это было бы логично. У нас впереди ещё несколько Ветвей, а затем – Призрачный город. Там лучше не задерживаться.

– Почему?

– Шоссе там проходит через город. Его построили архитекторы Верхней Кроны и Ближних снов – в месте, где соединяются два мира. Линия пересечения нестабильна, в одной квартире может быть реальность Кроны и сновидческие метаморфозы. Этот город предполагался как место жительства богачей и элиты, но вышло не так...

– Одна моя подруга, ещё когда я принимала участие в ралли, рассказывала такую историю, – рассмеялась Фрейя...

Хёд заметил, что девушка очень похорошела. При выезде от ангара она выглядела усталой и напуганной, сейчас же – несмотря на все приключения – весело улыбалась, её глаза горели. Она сменила белую рубашку на яркую цветную футболку, а куртку оставила на сиденье мотоцикла. Было тепло – словно в начале сентября.

– Она рассказывала, как одно время жила с родителями в Призрачном городе, тогда он назывался Город Грёз. Жильё им обошлось дорого, и они надеялись, что вложение окупит

себя. Но, например, в бассейне, который смыкался с морем Ближних снов, вместо солёных волн вдруг оказывалась болотная жижа, а то и ещё что похуже... Архитекторы и строители пытались что-то исправить, но удержать под контролем ситуацию не удалось. В итоге богатые люди переселились на другие Ветви, а Город Грёз постепенно стал Призрачным городом. Теперь там живёт немногочисленная творческая богема, а также пришельцы из Ближних снов, которым их мир кажется слишком... ну, эфемерным...

– У нас будет время подумать, до ближайшего съезда ещё несколько часов пути. Обсудим по дороге, – подвёл итог Ньёрд. – Пора ехать!..

Хёд снял с джипа мотоцикл и выехал вперёд. После заключения в стеклянном шаре ему хотелось простора и свежего ветра. Налево от него была сияющая кора дерева, а справа – небольшое пространство у дороги, ажурная ограда, а дальше – пустота. О том, сколько лететь до земли, и что там внизу, лучше было не думать.

Форсетти и Хельг сели в джип.

– Что-то на нас давно не нападали, я уже заскучал, – проворчал Форсетти.

– Возможно, мы всё делаем правильно... – обронил Хельг.

– Или неправильно, да, друг мой?.. – Форсетти ухмыльнулся.

Кавалькада выехала на дорогу. Через несколько десятков километров дорога расширилась. Они добрались до большой

площадки, застроенной зданиями. Частично она нависала над пустотой, но главным образом располагалась по левую сторону – в Стволе Древа здесь была большая выемка.

Они остановились осмотреться.

– Это кластер, – сказала Фрейя. – Он был построен много лет назад, когда эта дорога была одной из главных транспортных артерий. И уже давно заброшен.

– Вряд ли он автоматизирован, – предположил Хёд.

– Тут обслуживают только призраков-дальнобойщиков... – улыбнулся Форсетти, – посмотрите на это заведение...

Он показал на бар у дороги, рядом с которым виселись старые рекламные щиты: «Пиво, как в Вальгалле», «Сосиски „Конунг“ – неповторимый вкус».

– Все выглядит довольно неплохо... – подозрительно произнёс Хёд.

– Дорожная служба присматривает за ним, чинит неисправности, но не более этого... – ответила Фрейя.

Они въехали в кластер. Когда мотоциклы проезжали мимо бара, Хёду показалось, что белая занавеска качнулась, из-за неё выглянул кто-то и внутри будто послышалась музыка. Присмотреться он не успел, Фрейя прибавила газу, спеша выбраться из кластера. Начинался вечер, у крыш зданий зажглись фонари. – Видимо, всё же кто-то тут есть... – Не думаю, это автоматическая подсветка...

По дороге им попало ещё несколько баров. У последне-

го из них была припаркована машина – широкий красный кабриолет.

– А что вы на это скажете?.. Мне сразу показалось, что тут кто-то есть, – сказал Хёд. Они остановились. – Надо осмотреть машину.

– Интересно, мотор ещё тёплый, – Хёд сел в автомобиль и повернул ключ зажигания. – Но не заводится.

Форсетти осмотрел салон.

– Хороший плащик, – он поднял с заднего сиденья ярко-жёлтый плащ. – Уверен, что машина с Верхних Ветвей Средней Короны. Повыше, чем наша: дизайн, стиль, писк моды... И приехала она сюда совсем недавно.

– Где-то рядом она сломалась, её пытались починить, не вышло, и бросили. А уехали на другой, – Ньёрд осмотрел следы. – Около часа назад.

– Думаю, их путешествие похоже на наше...

– Вероятно, сбой задел разные Ветви. Странно, что мы пока не встретили никого из Служителей Кроны...

Хёд взглянул на бар рядом с дорогой. Ему снова показалось, что занавеска качнулась. Он подошёл ближе, прочёл название: «Последний приют». И тут бар расцветился огнями, заиграла музыка, дверь отворилась и на порог выскочил маленький снеговик!

– Привет, привет! Рад вас видеть! – он широко улыбнулся чёрными угольками рта и приподнял цилиндр рукой-веточкой. – Проходите, дорогие гости... В баре «Последний при-

ют» вы расслабитесь и отдохнёте перед долгой дорогой! Вот наши сотрудники: Джим, – мужчина в яркой рубашке вышел вперёд, – и Полли, – красотка в белом фартуке выступила справа и послала им воздушный поцелуй. – Вас ждёт незабываемый вечер!.. – Это вроде Салли?.. – спросил Хёд у Хельга. Тот молча смотрел перед собой. – Не совсем, – процедил Форсетти. Прогрели три быстрых выстрела.

У снеговика слетела голова, а мужчина и женщина упали и разлетелись серым пеплом. Через секунду перед ними был всё тот же старый бар с потухшими огнями. Форсетти опустил винтовку.

– Нужно осмотреть бар, – Ньёрд вбежал внутрь, Хёд, с карабином на изготовку, последовал за ним. В баре было почти темно, когда они вошли, загорелось тусклое автоматическое освещение – пара ламп под потолком. Они прошли по бару, поднялись на второй этаж – никого не было. Когда они вышли, Форсетти мирно покурил трубочку.

– Это были не ментальные проекции, – произнёс он. – Точнее, две были проекциями, но не нашими, а вот его – он протянул трубку в сторону расплывшейся у порога лужи. Похоже, он давно за нами увязался, с самого начала.

– А кто это? – спросила Фрейя.

Пока Ньёрд и Хёд обыскивали бар, она стояла с пистолетом на изготовку, а сейчас сунула его в кобуру и подошла к ним.

– Это... Ну что-то вроде борщевика.

– Какого борщевика?.. – недоумевающе переспросила Фрейя.

– Такое сорное растение. Тут, у нас, мы видим только «цветок борщевика». А его корни находятся «под землёй» – то есть совсем в другом месте. То есть это существо физически перемещается сюда только частично, в «малой форме». – А почему?

– А кто его знает. Может быть, проход слишком узкий или затраты энергии слишком большие. Может, восстанавливаться проще после эксцессов, подобных сегодняшнему, – Форсетти усмехнулся, – или ему нравится быть снеговиком... Хотя при полном «переходе» они могут и умаляться, а вот «вырасти» при частичном – нет. Разве только использовать иллюзии... – И откуда же он? Из Ближних снов? – Нет, бери ниже, совсем низко...

– С Нижних Ветвей?..

Форсетти опустил трубку и серьёзно посмотрел на них.

– Из Сумеречной Зоны, а то и ещё ниже – прямо из Хель...

– Но они не могут попасть сюда, на Среднюю Крону, в физическом теле... Это невозможно, – растерянно сказала Фрейя.

– Обычно нет. Но в последние дни происходит много невероятного. Я видел таких, довольно давно, в лесах Нижней Кроны, на границе Сумерек... Да и потом приходилось... – Форсетти выбил трубку.

– Теперь точно ясно, что мы имеем дело со спланированной атакой, а странные события – ее часть. Нам надо поторопиться, это место не располагает к отдыху, – Ньёрд сел на мотоцикл и дал газ. Остальные поехали за ним.

...В первом баре в начале транспортного кластера у стойки сидел карлик. Он затянулся трубкой и весело произнёс: «Теперь я прямо как Форсетти!...»

Из заметок старого книготорговца

Хель – она же Хельхейм, преисподняя, земля мёртвых, Аид. Располагается в Повреждённых Корнях, частично – в Стволе и на Засохших Ветвях. Нижней точкой Хель является Кипящий Котёл, где обитает дракон Нидхегг (некоторые авторы полагают, что это есть условное название некой предельной представимой точки «антибытия»).

Хель населяют существа, происхождение которых загадочно. Часть из них считается потомками падших людей (асов), которые под предводительством Локи некогда основали Королевство теней – позже оно слилось с Хель и ныне известно под названием Сумеречной Зоны. Другие – порождения самой Хель или плод смешения людей с её обитателями. Считается, что в Хель попадают недостойные души – в тот или иной

слой. Структура Сумеречной Зоны и Хель в какой-то степени повторяет устройство Ветвей и Ближних снов – там есть области, доступные человеку, и места, где могут существовать только эфирные существа.

Но сейчас мало интересуются старыми книгами, где описано всё это. Многие не хотят думать о том, что наверху. И ещё больше – о том, что находится внизу. Они слишком здравомыслящие: смотрят вперёд и до последней секунды не видят лестницу, ведущую вверх, и пропасть, темнеющую перед ногами.

Глава VII, в которой герои жгут костёр на опушке леса и много разговаривают

Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огня дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом.

Иван Тургенев

Они ехали несколько часов пока совсем не стемнело. Остановились у съезда на одну из Верхней Ветвей Средней Кроны. Спускаться вниз не стали, но недалеко был лес, они пошли к нему. Свежо пахло опавшей листвой, грибами, поздними ягодами. Хёд и Ньёрд сходили за хворостом, Форсетти зажёл костёр. Пламя разгорелось и поднялось вверх, в тихую звёздную ночь, к осенней луне и мерцающей красным огнём яркой точке Муспельхейма.

Ньёрд и Фрейя сидели рядом. Воздух между ними теплел, кружил голову, как над пропастью. Ньёрд хотел сказать что-то, потом замялся и заговорил о другом.

– А ты хорошо знаешь их всех, ну Хёда, Форсетти, остальных?.. – Ньёрд пошевелил палкой дрова, костёр разгорелся ярче.

– Кого как. Форсетти переселился на нашу Ветвь не очень давно, мне он казался таким забавным толстяком, любителем выпить, остряком... Похоже, я ошибалась на его счёт. Хельг живёт тут уже десяток лет, я немного знаю его жену, у них милые дети...

– Не думал, что у него есть дети... Он казался мне одиноким человеком, живущим прошлым...

– Путешествие располагает к воспоминаниям. Может, и он вспоминает что-то произошедшее давно, о чём он раньше и не думал...

– А Хёд?

– С Хёдом всё просто, мы с ним учились вместе в школе... Он был одним из самых маленьких, а потом сильно вырос, занимался спортом, стал чемпионом Кроны по лёгкой атлетике. Странно – у нас в школе все ребята были голубоглазые, только у него – тёмно-карие глаза. Одно время мне он нравился, – Фрейя улыбнулась, – но он как-то сам по себе, а я любила гонки, шумные компании... Потом он ушёл на войну, а вернулся уже с женой... – Эйр... – Да, Эйр. Он рассказывал тебе о ней? – Немного. – Она красивая женщина. –

Чем она занимается?

– Она врач. Часто работает в саду. Может быть, пишет картины. – Ты видела их? – Нет, но думаю, они могут быть.

– А ты пробовала себя в чем-то подобном? – Немного пела... Но это чепуха...

Они помолчали. Далеко, под луной, сияла красная звезда Муспельхейма.

– Какая она одновременно красивая и страшная. Мы живём у огня, который может нас сжечь... – Сейчас немногие верят в это. – А ты?

– Я...

– Ты рассказывал про то, как тебя подбили над Тёмным островом и что-то про Муспельхейм, но тогда из заточения выбрался Хёд и ты не дорассказал. Расскажешь сейчас?

– Да. Я плохо помнил этот момент, а недавно стал вспоминать всё лучше, будто забытый сон. Теперь всё вижу ясно. Враги нашли меня. Я стою с гранатой возле сбитого самолёта, у гранаты выдернута чека. И смотрю на тебя – твоё фото в кабине, тогда – незнакомой девушки. Смотрю и говорю: «Прощай». Вспышка огня, и я в нём, он обжигает, но потом становится холодно. Я в открытой кабине самолёта, лечу у края Листа и вижу тебя. Ты машешь мне рукой. Я отчетливо вижу твоё лицо, хотя расстояние слишком большое. Я хорошо его вижу. А потом самолёт меняется, он становится вроде закрытого бутона – как гладиолус – а я внутри. Вокруг пламя – одновременно ледяное и обжигающее. И я понимаю, что

это не бутоны, а крылья, сомкнутые вокруг меня. Крылья сына Муспельхейма – как их изображают на картинках... Только настоящие, переливающиеся всеми цветами радуги...

Фрейя внимательно слушала, глядя на него.

– Потом мне рассказывали, что нашли меня без сознания и с ожогами возле сгоревшего самолёта... Враги отступили, то ли из-за потерь, то ли ещё почему-то, но их не было, никого не было – только обломки самолётов, тела погибших и единственный выживший – я. Мне ничего не удавалось вспомнить, кроме яркого пламени, после того как взорвалась граната. Ничего. Меня наградили и отправили в запас. Ожог быстро зажили, а вот воспоминания не возвращались – до последнего времени... Я и не знаю, память ли это, а может и сны... – Я помню твой самолёт над краем Листа...

– Я будто погиб тогда, в бою. Может, мне всё только кажется и сейчас.

Фрейя мягко обняла и поцеловала его.

– Настоящее – это ты. И я. Кого мы любим. То, что нужно помнить. Те, кто этого заслуживает.

– Ты должен знать, – добавила она. – Я единственный раз фотографировалась для журнала – когда выиграла ралли. В тот самый день, когда началась атака наших войск на Тёмный остров.

Из «Популярного справочника Древа»

Муспельхейм – яркая красная звезда (исторически закрепившееся название, хотя и по существу является планетой). Третья по яркости после солнца и луны. В легендах повествуется, что на ней обитают сыны Муспелля, которые сожгут Древо в Конце Времени: при победе Хель в Последней Битве и полном поражении Короны и воинства Вальгаллы.

Современными учёными признаётся, что Муспельхейм находится на опасной орбите и может обрушиться на Древо. Наблюдениями зафиксированы частые вспышки высокой мощности на поверхности Муспельхейма. Детальнее изучить его не удалось, так как поверхность скрыта плотной облачностью. Согласно последним исследованиям, Муспельхейм признан необитаемым.

...Форсетти и Хельг прогуливались по опушке. Ряды стволов ровными линиями уходили в темноту. Позади них яркими огнями переливалась кора Древа, впереди светила луна.

– Осенью воздух такой густой, что, кажется, можно пить его, как воду, – Форсетти смотрел на дорожки между деревьями, – а знаешь, эти полосы здорово похожи на дороги... Ты выбираешь одну, идёшь по ней, если вернуться и пойти по другой, почти не заметишь отличий, дороги в начале до-

вольно похожи, например от площади, они текут между домов, они становятся улицами, но улицы – только небольшие части дорог, потому что они выходят за город и ведут, ведут дальше куда-то, и ты уже не можешь свернуть с выбранной дороги, ты движешься по ней или, как знать, она движет тебя, может, ты и сам становишься частью дороги, а потом и тебя нет, а дорога всё уходит вдаль... Хельг возился с часами.

– Кукушка застревает. Дверца, наверное, покосилась... Или ещё что... Я не знаю, кукушка должна была прокуковать десять раз. Но она не хочет. Может, улетела в этот лес, – Хельг усмехнулся. – Только представь: если за часами ухаживать, чтобы все шестерёнки крутились как надо, в общем, поддерживать в них порядок, то время может завершиться раньше, то есть часы переживут время! Вот так штука, часы без времени, корабли без моря – на песчаном дне сплошного прошлого! Что они будут делать тогда?.. «Когда вещь теряет свой смысл, она становится бессмысленной, то есть открытой для любых смыслов», – добавил он, словно что-то припоминая. – Какая идея совьёт гнездо в часах? И что будет делать кукушка...

– Ты очень увлёкся этими часами, – заметил Форсетти.

– Они предсказуемы, ну в большинстве случаев предсказуемы. Они напоминают мне поезда, которые, даже опаздывая, всё равно находятся где-то в пространстве, стремятся нагнать истекающее время, с часами сделать это проще, про-

сто немного подвести пальцем стрелку, совсем чуть-чуть! Или отвести её назад, время уйдёт, а ты останешься на конечной станции, с часами под мышкой...

Форсетти курил трубку, они шли вдоль опушки.

– Пойдём к костру, становится холодно... – произнёс Форсетти. Хельг повернул за ним, его высокая угловатая фигура казалась странной и очень высокой в синих сумерках. Форсетти показалось, что он напоминает сосну, из дупла которой может вылететь птица.

Они шли к костру, у которого сидели Ньёрд и Фрейя. Хёда не было видно.

Над Ньёрдом и Фрейей, которые склонились головами друг к другу, была видна луна, а вокруг – звёзды чуть просвечивали сквозь лёгкие облака.

– Я такое видел когда-то, нет, я и сам так сидел... – Хельг остановился, сосредоточенное и отчуждённое выражение его лица сменилось мечтательным, в холодных глазах просветили яркие огоньки: будто поезд остановился на полустанке.

– Луна, раньше она висела на нашем Древе, как яблоко, она и была яблоком, таким большим и тёплым, и ветер пах яблоком, и были тёплое лето, и зима, и осень, и весна, все времена года, а сны, снов то и не было, не было плотности жизни и этой мягкой податливости снов, всё было едино – одновременно и твёрдо, и мягко, подобно камню и водному потоку. И время текло в разные стороны, чтобы найти его, нужен был компас, а не часы, эти мышеловки схлопывались

бы напрасно...

Хельг уронил часы в высокую траву и продолжил. – И вокруг, под нами, вокруг нас – не было этой ледяной пустыни, безжизненной пустыни, в которой одиноко стоит наше Древо, нет, совсем нет – был цветущий Сад и множество Деревьев – высокие сосны, где обитали возвышенные умы и корабели, стремящие корабли по водным потокам – их тоже было в изобилии, всюду! – были берёзы, шуршащие листвой, места жительства риториков и поэтов, и дубы, старые и вечно молодые, спокойные места для долгих размышлений... И люди летали туда-сюда, и женщины были подобны бабочкам, а мужчины – тяжёлым майским жукам. Но потом луна оборвалась! Она укатилась! И сразу проснулись и закричали как младенцы все часы! Их надо было кормить! Кормить временем! А луна с тех пор только катается по ободку, по небесному ободку, а в глубине тарелки, нашей тарелки, нашей жизни мы видим настоящее, только настоящее, его моментальность и непостижимую длительность, и всё хотим рассмотреть – есть ли трещины в тарелке, есть ли они? Способны ли они свернуть яблоко с этого круга?..

– Интересно, Хельг. – Форсетти внимательно посмотрел на железнодорожника. – Ты пересказал мне старые легенды, но и своего добавил. Оказывается, ты философ...

Хельг стоял молча. Форсетти поднял часы и вытащил нож. – Слушай, ты прав, дверца заела. Сейчас всё будет в норме.

– Ку-ку, – кукушка прокуковала десять раз.

Хельг промолчал. Огоньки в его глазах погасли – поезд ушёл с полустанка. Он взял часы и в этот момент показался Форсетти очень старым. Они молча подошли к костру.

Хёд и Эйр стояли на перроне станции. Накрапывал редкий дождь, Эйр открыла ярко-красный зонтик. Рядом пробежал Хельг, помахал им рукой – он торопился за маленькой девочкой, которая бежала по перрону, везя за ниточку пластмассовую утку.

– Хороший человек этот Хельг. – Да, и отличный семьянин...

– Кстати, – сказала Эйр, – он мне рассказывал интересную историю – про Поезд Вне Расписания... Слышал её?..

– Нет...

– Он говорил, что есть такой поезд, ездит по Древу, появляясь в самых разных местах: в Дальних и Ближних снах, на Ветвях, путешествует сквозь пространство и время...

– Прямо по этим рельсам?..

– Иногда да, но вообще он сам прокладывает рельсы – огненные полосы перед собой... Хельг говорит, что он остался от древних времён, когда наше Древо было в Саду, и все Древа были соединены между собою. А когда связь разорвалась, он стал странствовать здесь. Может быть, он тоже заперт тут, а может – как-то связан с другими Древами. И на нём можно уехать далеко-далеко, за пределы нашего мира... – Интересная легенда. И он видел этот поезд?..

– *Говорит, что нет, но вот его дед...*

– *Обычно в таких случаях все ссылаются на деда. Или на двоюродного племянника... Пойдём, идёт наш поезд – тоже слегка вне расписания...*

...Хёд один гулял по опушке. Он очень скучал по Эйр. Этим вечером ему показалось, что тоска становится непреодолимой. Он лёг на опавшие листья и попытался уснуть, но сон не приходил к нему – даже обычный, ночной, скользил где-то на окраине сознания. Он оставил попытки и стал вспоминать. Сначала он чувствовал только пустоту и холод, но потом ему стало теплее. Он вспомнил, как его, раненного, привезли в госпиталь, и он лежал в приёмном покое, рассматривая потолок, на потолке были трещины, и ему казалось, что это холмы, зелёные холмы, над которыми вот-вот взойдёт заря, и было больно, очень больно, а потом всё меньше, потому что к нему подошла она – он ещё не знал кто, сделала укол и заговорила с ним. Он отвечал невпопад, но что-то говорил, и она говорила, а потом его везли по коридору, был серый день, горели лампы, одна-другая, он пытался считать их, а потом сбился со счёта. Он вспоминал себя выздоравливающим, как стоял в саду у госпиталя, и все время пытался высмотреть невысокую стройную девушку с короткими тёмными волосами и синими глазами, которая носилась туда-сюда; он не знал, как с ней познакомиться, а она познакомилась с ним сама – села у кровати и заговорила. Как он набрал ей каких-то цветов в саду, и, выписываясь,

предложил встретиться. Какой длинной и бесконечной была улица, на ней загорались фонари, а она шла к нему – в ярком оранжевом плаще, шла и шла, этот момент длился очень долго, целые царства могли возникнуть и впасть в ничтожество, пока она шла, и вот она совсем близко, и он говорит ей: «Привет, Эйр».

Хёд вернулся к костру последним. Все уже спали, в палатке или в джипе. Форсетти был часовым. Он посмотрел на Хёда.

– Знаешь, Хёд, ты довольно чудной парень. Но в тебе что-то есть. Какая-то крепость, невидимая сразу. Это как старое вино, которое пьёшь как воду, а потом оно сбивает тебя с ног. Я понимаю, почему она выбрала тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.